

Илья Ермаков, Денис Цыгин

Внешне спокоен

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82.31
ББК 83.3(2)
Е72

Ермаков И., Цыгин Д.

Е72 Внешне спокоен / И. Ермаков, Д. Цыгин, — М. RUGRAM, 2025. — 472 с.

ISBN 978-5-517-13251-2

Раньше ты мало задумывался о пациентах психиатрических лечебниц, но однажды оказался среди них.

На старших курсах медицинского университета ты устраиваешься на подработку медбратом в психиатрическую больницу села Распятово.

Ты попадаешь в мир покалеченных душ, живущих по своим неписанным законам.

Кто такие «принудчики» и почему они опасны? Сколько человек можно предать за одну сигарету? Почему чай вреден для психики?

И как разбитое окно может поделить жизнь на «до» и «после»?

Новая работа ставит перед выбором: персонал или пациенты. На чьей ты стороне? Ты не хочешь выбирать! Но жизнь заставит, и ты сам не заметишь, как граница между нормой и безумием исчезнет навсегда...

BIC FA
BISAC FIC000000

© Илья Ермаков, Денис Цыгин,
текст, 2025
© Денис Цыгин,
художественное оформление, 2025
© RUGRAM, оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13251-2

**Данная книга является художественным
произведением, рассказывающим рафинированную
историю, вдохновленную реальностью.**

Все персонажи и ситуации — вымысел автора.

«Где та грань, которую нужно переступить, чтобы тебя считали сумасшедшим?»

из к/ф «Прерванная жизнь»

Пролог

Спрятавшись от них в туалете, я закурил. Впервые в жизни. Сначала поперхнулся дымом и закашлялся, привык не сразу. В памяти все еще слышен яростный клич: «АУЕ сбор!». Тогда мне стало по-настоящему страшно. Все закончилось, их больше нет. Но тем страшнее — кто знает, когда они вернутся? Я могу встретить их на улице, в автобусе, в магазине, во дворе у дома. И бежать будет некуда. Там, в реальном мире, не будет туалета, в котором можно запереться и закурить.

Голоса из прошлого врываются в ясное сознание и дурачили рассудок: «Его на вязки». «Этого оставить в коридоре». «Хватит плакать». «Этого на седьмое отделение». «Оформляйте побег». «Пишите вооруженное нападение на персонал». «Вызывайте службу экстренного реагирования». «Этих увозите сейчас же». «Все по палатам». «Таблетки сегодня раздадим позже».

Как-то все глупо получилось, по-дурацки. Но это жизнь. И в настоящей жизни много до безобразия глупых моментов, которые заканчиваются большой трагедией. Это случилось и с нами.

Чего нам еще не хватало? Пожара? Смерти?

«Самое страшное уже позади, хуже не будет» — так я подумал, сливая окурки в унитаз.

И ошибся.

Перед сменой 1

— С ними лучше не воевать — плохо будет.

— Что-то уже случилось раньше?

— Да как сказать, была у нас одна медсестра. Шумная была такая. Агрессивная. Злая. Ох, как же она орала на них! Прямо благим матом. Целые сутки. Она их материла на чем свет стоял. Прямо через слово. Что ни скажет, то мат. Ну, собственно, она их материла, материла, ругала, ругала, орала, орала, орала, так они взяли стул и забили ее.

— До смерти?

— Точно не скажу. Ее увезли с ЧМТ и сильными переломами. Ну и крови же там было... Нам так и не сказали, что с ней случилось: выжила или померла. Но факт остается фактом: если их вывести из себя — плохо будет. Ты уже знаешь про нашего самого опасного клиента?

— Про кого?

— Козлов, конечно. Он медбрата убил. Задушил ночью. То ли руками, то ли подушкой, на этот счет разные слухи ходили.

— А за что убил-то?

— За карточный долг. Вот так. Ты с ним осторожнее. Дурной он, опасный.

— Будут еще советы по работе?

— Следить за ними лучше надо, конечно, а не в телефоне сидеть. Только это все бесполезно. Мы следим за ними, а они следят за нами. И следят они лучше нас. Они не такие дураки, как мы о них думаем. Хитрые они очень. На шмоне ничего найти не можем — хоть до трусов раздевай и в попе ковыряйся. Не стоит их недооценивать. Их вон пятьдесят человек. А нас сколько? Двое?

Максимум — четверо. И работы у нас выше крыши, а им-то чего делать? Курить, смотреть телевизор да перекусывать каждые 2 часа. И что это за жизнь вообще такая? Не жизнь, а полужизнь. Не теряй бдительность. Они не теряют. И все помнят.

— Помнят?

— Ага, тоже случай был. Лежали у нас два пациента, оба из тюрьмы. Оказались у нас на принудке. Один второго пидором назвал. А в тюрьме за такие слова убивают. Тот и обещал убить его. И убил. Его-то выписали. Прошло года два. Все уже забыли про этот случай. А он вернулся и выполнил обещание — удушил в ночи. С тех пор дверь железную с улицы и запираем, а то зайти всякий может. Это не злопамятность, а честь у них. По понятиям живут. Так-то вот.

— То-то я думаю, что в любую больницу можно попасть без всяких проблем. Сколько раз это уже было? Прихожу на практику в больницу. Охранник спросит: «Вы куда?». Говорю: «Студент. На практику». И проходишь. Надел халат — считай свой. И здесь также. Пришел, спросили: «кто таков», ответил: «работаю», и дальше пошел. А дальше что? Так ведь можно в любое отделение зайти, украсть учетные препараты, наркотики, да и вообще набедокурить. Ненадежная защита совсем! А тут еще и психушка.

— И не говори! Пока сам себя не защитишь, никто не защитит. Когда будешь оставаться на смене за главного, не забывай запираť дверь на улицу и в вестибюле. Тебе уже сказали про экстренную кнопку?

— Про какую кнопку?

— Это смешно. Есть кнопка, которая вызывает службу экстренного реагирования. Вот только она на приемнике. Смешно, не правда ли?

Пока дозвонишься до приемника, пока попросишь нажать на кнопку — зарежут к чертовой матери. А позвонить с такой просьбой на приемник и при этом не выдать себя — невозможно. Они все услышат. Лучше не обсуждать никого. Уши всюду.

— Спасибо, что рассказали.

— Да, пожалуйста. Обращайся. У тебя сегодня первая смена?

— Первая.

— Тогда удачи не желаю. Примета плохая. А если кто пожелает «спокойной ночи» — попроси пристукнуть его чем-нибудь. Здесь так говорить не принято.

Смена 1

— Что значит «принудка»?

— Ты про принудчиков что ли?

Медбрат Гриша отвлекся от заполнения температурных листов и откинулся на спинку стула. Посмотрев время на телефоне, он мельком взглянул на меня. Я давно заметил утолщения на дистальных фалангах пальцев. Симптом «барабанные палочки». Наверное, с легкими проблемы. Гриша высокий и стройный, одетый в белый медицинский костюм. Зеленые глаза и острый прямой нос. Ему уже 32. И лет 10 своей жизни он проработал медбратом в психиатрических больницах. Сначала в отделении строго режима, потом перешел на детское отделение. Как началась пандемия COVID-19, его пригласили на 6 отделение. Здесь и остался. Говорит, что здесь работается куда спокойнее, чем на детском.

Первое время меня ставили с опытными сотрудниками, каждый из которых учил всем рабочим моментам. Учиться приходилось быстро, ведь неровен час, когда предстоит остаться в отделении за главного медбрата на первом посту.

— Да, про них. Уже несколько раз слышал это слово, но до сих пор не могу понять. Кто они?

— Принудительное лечение, — Гриша вернулся к заполнению температурных листов, в которых от балды отмечал утреннюю и вечернюю температуру, оставляя короткие черточки в ломанном графике, — когда-то они совершили какое-то преступление, и суд не отправил их в тюрьму. Доказали невменяемость. И вот они здесь. Суд назначил принудительное лечение в психушке. Каждые 6 месяцев они проходят комиссии. И лечение им постоянно продлевают.

Когда-нибудь комиссия отменит лечение, суд это подтвердит. Тогда и выпишут.

— И долго так можно лечиться?

— Ну, слушай, кто-то пару лет, кто-то десяток лет. По-разному всегда. Если они набедокурят, и мы запишем это в журнал принудчиков, то это пойдет в их личное дело. Конечно, на комиссии заявят о проступке, и лечение продлят еще на 6 месяцев. В их интересах вести себя хорошо.

Решив помочь, я взял папку с 6 палатой, достал температурные листы и принялся их заполнять по образу и подобию.

— Часто они сбегают? У вас вообще побеги бывали?

— Бывали, конечно. И ключи крадут, и окна бьют. Потом находят, возвращают. Кого-то могут отправить на строгаж. Там уже все под камерами, мало не покажется.

— Тяжелее там работать?

— Там, знаешь, персоналу вообще сидеть нельзя. Не то, что здесь. У нас спокойнее, острых мало, но своих хлопот тоже хватает.

Во время тихого часа нашей основной работой становилось заполнение документов. Санитар, Артем, вечно пристающий к другой санитарке, Свете, дремал в кресле у наблюдательной палаты. Время от времени он просыпался, чтобы матом выгонять пациентов из туалета. Света пила чай на соседнем посту. Буфетчица отправилась на пищеблок.

Артем тоже был студентом, но в отличие от меня он еще учился в колледже. Второй курс. Ему уже было лет за 30. Жизнь его помотала по разным работам и в итоге привела в психиатрическую больницу. Уже с первой смены я заметил, что он шумный. Вечно кричит на